

Темнота казалась почти крошечной. Слабого света нарождающейся луны хватало лишь на то, чтобы не сбиться с дороги, которую и дорогой-то можно было назвать с очень большой натяжкой. Старые сани потряхивало на ухабах, мотало из стороны в сторону, и Галку мотало вместе с ними. Она пыталась уснуть, хоть как-то пристроиться на куче прелой соломы, но ничего не выходило. От многодневной, уже почти привычной усталости впору было потерять сознание, а сон все равно не шел. Наверное, виной тому Галкин спутник. Или надсмотрщик, она так и не сумела решить, кем считать этого сидящего напротив мрачного, немногословного мужчину в серой армейской шинели.

Лица его в темноте Галка не видела, но ей и не нужно было — выучила за время пути до последней черточки. И смуглую, продубленную кожу, и глубокие, словно ножом вырезанные морщины, и бороду с нитями седины, и серые, с недобрым прищуром глаза. Выучила она и руки — заскорузлые ладони, короткие пальцы с черной каймой грязи под ногтями. Хотя руки он редко показывал, прятал в глубо-

ких карманах шинели, словно стеснялся их мужицкой некрасивости.

Или дело было в пистолете, который все это время лежал в одном из карманов, ничем не выдавая себя, но Галка точно знала, что он существует, видела своими собственными глазами и почти не испугалась. Ей велели быть сильной, и она старалась изо всех сил. Вот только силы, кажется, подошли к концу...

— Почему не спишь?

Голос у мужчины был сиплый, простуженный. Заботы в нем не слышалось — только глухое раздражение. Поэтому Галка не ответила, лишь плотнее запахнула полы пальто. Это было чужое пальто, некрасивое, колючее, неудобное. Пальто из чужой, неправильной и уже ненавистой жизни. Захотелось плакать, но Галка себе запретила, почти до крови прикусила губу, сжала кулаки. Ей бы спросить, долго ли им еще ехать, когда уже наконец закончится эта бесконечная лесная дорога, но спрашивать она не стала, потому что знала, вопросы задавать бесполезно. Он, этот мрачный незнакомец, не ответит, даже взглядом не удостоит.

— Скоро уже.

В темноте вспыхнул красный огонек папиросы, едко завоняло махоркой. Галка едва сдержалась, чтобы не закашляться. Дед тоже курил, но не мерзкие папиросы, а дорогой, пахнувший вишней и шоколадом табак. Тот запах Галка любила и берегла в памяти. Похоже, воспоминания — это единственное, что позволили ей взять с собой из прошлой жизни.

— Раз не спишь, тогда слушай. — Огонек папиросы вспыхнул сильнее, осветив мрачное и одновременно сосредоточенное лицо мужчины. — Слушай и запоминай.

Галка все уже знала, все инструкции выучила наизусть, но спорить не стала. Споры он пресекал таким взглядом, что хотелось спрятаться, а лучше бежать как можно дальше.

— Тебя зовут Галина Ерошина. Тебе шестнадцать лет.

Галке было семнадцать, почти восемнадцать, но кого это волнует?.. Кого вообще волнует ее жизнь?!

— Хорошо, что ты такая... — в сиплом голосе послышался намек на насмешку, — такая неразговорчивая. Лучше бы тебе считаться немой, но ведь не сможешь? — Насмешка сменилась сомнением.

— Не смогу, Кузьма Ильич.

— Фанаберии эти брось. Обращайся ко мне попростому, называй дядькой Кузьмой. Поняла?

Галка кивнула, и дядька Кузьма удовлетворенно хмыкнул.

— Мало времени, — сказал он после недолгого молчания. — Говор у тебя... не нашенский у тебя говор. Ну ничего, переучишься. Чай, девка ты неглупая.

Глупая, раз согласилась на все это, раз не настояла на своем, позволила себя убедить, отослать. Все-таки Галка не справилась, горячая слезинка покатилась по щеке, оставляя за собой огненную дорожку боли.

— Не реви. — В сиплом голосе снова послышалось раздражение. — Чтобы я больше не видел!

Он и не должен был видеть, не в этой чернильной темноте. Почуял ее слезы, как иной зверь чует пролитую кровь?

— И подбородком не дергай. Голову опусти, взгляд в землю. Молчи, пока с тобой не заговорят. А когда заговорят, тоже лучше молчи. Если молчать неумогу, думай, кому и что говоришь. Уяснила? Я спрашиваю, ты все уяснила?!

— Молчать. — Галка сжала и разжала онемевшие от холода пальцы. — Думать, что говорю.

— Тут тебе все чужие, девонька. Своих нет и не будет. И цацкаться с тобой никто не станет. Даже не надейся.

Она уже не надеялась. Почти. Только где-то на самом дне души все-таки оставалась крохотная мыслишка, что все это понарошку, не по-настоящему. Что вот прямо сейчас перед их санями вспыхнут яркие огни, на дорогу выйдут веселые, нарядные люди, а бабушка радостно и громко скажет:

— Сюрприз, Галка! — И по голове погладит, а потом спросит с усмешкой: — А ты никак испугалась, детка?! Ты же особенная, ты не должна ничего бояться.

Не должна, а боится. До дрожи в коленках, до судороги в сжатых челюстях, до тошноты.

Тошнота была реальной, она подкатила к горлу горько-колючим комом, заставила сложиться по полам.

— Остановите... Мне нужно сойти... Пожа-луйста!

— Нашла время. — Дядька Кузьма отшвырнул догоревшую папиросу, похлопал безмолвного воз-

ницу по плечу. Тот обернулся, мазнул по Галке равнодушным взглядом, натянул удила.

Сани качнулись, подпрыгнули на ухабе и замерли.

— Далеко не отходи, — велел дядька Кузьма.

Галка его не слышала, страх и боль уже рвались из нее, выворачивали внутренности наизнанку.

Она стояла, упершись ладонями в дрожащие колени, не в силах поднять голову, когда услышала волчий вой. Услышала, но не сразу поняла, что это. Не укладывалось у нее такое в голове. И два желтых огонька, вспыхнувшие рядом, не напугали, и даже тихий утробный рык. Напугал ее крик дядьки Кузьмы:

— В сани! Быстро!

Он не стал дожидаться, пока Галка придет в себя, грубо схватил ее за шиворот, дернул вверх. Она упала лицом в колкую солому, затаилась. К рыку присоединилось нервное ржание, загарцевал, почти по-человечески закричал жеребец.

— Гони! — закричал дядька Кузьма и, выхватив из рук возницы кнут, безжалостно стеганул по лошадиному крупу. Жеребец попытался было взвиться на дыбы, но, усмирленный крепкой рукой, рванул вперед. Затряслись, заметались из стороны в сторону сани, Галка ухватилась за их борта, чтобы снова не свалиться в солому. Сердце в груди билось так громко, что, казалось, заглушало и лошадиное ржание, и волчий вой.

А волков было много. Теперь она слышала разноголосый хор. Они заходили с боков, серыми тенями скользили рядом с санями, клацали челюстями,

примерялись к лошадиной шее... Одного из них огрел кнутом возница, зверь взвизгнул и отстал, но место его тут же заняли еще двое.

— Не высовывайся, — с мрачной сосредоточенностью сказал дядька Кузьма и прицелился.

Прогредел выстрел, одна из теней с визгом взвилась вверх, а потом слетела с дороги. А дядька Кузьма уже целился во второго волка. Он велел не высовываться, Галка и рада бы последовать его приказу, с головой зарыться в солому, но не получилось. Неведомая сила заставляла ее смотреть, выискивать в темноте все новые и новые тени, считать...

Получалось двенадцать. А патронов в браунинге сколько? Семь. А сколько времени уйдет на перезарядку? Достаточно, чтобы волчьи челюсти успели сомкнуться на лошадиной шее. Или человечесьей...

От страха Галка тоненько завывала, но тут же до крови прикусила губу. Она не станет, не позволит себе бояться! В ворохе соломы девушка нашарила какую-то палку, потянула на себя. Палка оказалась черенком от вил.

— Не дури, девка! — рявкнул дядька Кузьма, перекрикивая грохот очередного выстрела. Какого по счету? Второго или, быть может, уже пятого? — А ну положь! И сама на дно... Я кому сказал?..

Он отвернулся, снова прицелился, выстрелил. Попал ли? Галка не поняла. И выстрелы считать перестала. Не потому ли, что не было больше выстрелов? Кончились патроны...

Патроны кончились, а волки все не кончались. Теперь Галка их не только видела и слышала, но и

чуяла. От волков пахло слежавшейся шерстью, кровью и почему-то отчаянием. Словно бы они сами были не загонщиками, а жертвами.

Показалось. Со страха и не такое покажется...

Щелкнул в воздухе кнут возницы, перешибая волчий хребет, выругался дядька Кузьма, истерично заржал жеребец в тот момент, когда на холке его сомкнулись крепкие челюсти. Сомкнулись, чтобы больше уже не разжаться...

Вилы были тяжелые. Куда тяжелее, чем Галка себе представляла. Но откуда ни возьмись, появились силы. Наверное, их привел на поводке страх. Сил хватило не только на то, чтобы поднять вилы над головой, но и на то, чтобы метнуть их в серую рычащую тень.

Наверное, Галке просто повезло, что оружие ее не только не упало на середине пути, но и достигло цели. Острые зубья царапнули впалый волчий бок, вышибая из разомкнувшихся челюстей не то вой, не то стон. Жеребец мотнул головой, сбрасывая с себя зверя, снова защелкал кнут. А потом к этим звонким, похожим на треск сухой ветки щелчкам добавились другие. Очень близко. Почти над Галкиной головой.

— Ложись! — Дядька Кузьма сшиб ее с ног, навалился сверху, впечатывая в дно саней, не давая ни поднять голову, ни просто сделать вдох. Под тяжестью его веса Галка одновременно и ослепла, и оглохла. Больше она не слышала ничего, кроме уха-нья собственного пульса в ушах. Щелчки тоже прекратились. А сани остановились. Кажется...

— Лежи. — Дышать стало легче, но широкая ладонь дядьки Кузьмы продолжала прижимать Галку ко дну саней. — Лежи и молчи.

Сам он вставать тоже не спешил, Галка скорее почувствовала, чем видела, как его руки быстро и сноровисто заряжают браунинг.

— Эй, не стреляйте! — крикнул он в темноту. — Свои!

— Это кто тут у нас свой? — отозвалась темнота голосом лихим и веселым. — Дядька Кузьма, ты, что ли?

— Я и Глухомань! — В голосе дядьки Кузьмы послышалось явное облегчение.

Наверное, это было хорошо, что на лесной дороге они встретили знакомого. Но где же волки? Куда подевались? Галка, которую наконец-то оставили в покое, попыталась сесть в санях. Закружилась голова, к горлу снова подкатила тошнота. Только этого не хватало...

А темнота тем временем расступилась, вытолкнула из своей черной утробы четырех всадников. Кони под ними танцевали, но не испуганно, а скорее нетерпеливо, словно рвались в бой.

— Вовремя ты, Демьян Петрович! Очень кстати. — А дядька Кузьма, кажется, совсем успокоился и браунинг свой аккуратно сунул в карман. — Нас тут едва не загрызли. Ошалели волки с голодухи-то!

— Ошалели, не то слово! — Один из всадников выдвинулся вперед, приблизился к саням. Он показался Галке огромным, почти великаном. И конь его был рослый, куда выше и крепче их раненого жеребчика. — Вчера задрали корову Митяя Сидорова,

а сегодня напали на парней из волошинской бригады. Те как раз с вечерней смены возвращались.

— Отбились волошинские-то? — спросил дядька Кузьма.

— Волошинские-то отбились. Они ж там все как на подбор, крепкие мужики. А если бы бабы или, того хуже, ребятишки? — Великан спешился и стал обыкновенным, просто высоким. И был он милиционером, если судить по меховой шапке и синей шинели. — Придержи-ка, Глухомань! — Он бросил свои поводья вознице, а сам подошел к испуганно всхрапывающему жеребчику, обеими руками обхватил того за морду, зашептал что-то ласковое, успокаивающее.

Возница со странным и смешным именем Глухомань неловко, как-то кривобоко спустился на землю, подошел к уже почти успокоившемуся жеребчику, внимательно осмотрел его шею.

— Волк порвал? — спросил незнакомец, но Глухомань ему не ответил. Перехватив поудобнее кнут, он шагнул в темноту и почти тут же в ней растворился. А через несколько мгновений Галка услышала щелчок и слабый рык.

— Порвал, — ответил дядька Кузьма. — Мог бы и нас порвать, если бы не ты со своими молодцами. Вот только пошто стрелять начали без предупреждения? Девчонку мне до смерти напугали.

Галка не сразу поняла, что речь о ней. Никто раньше не называл ее девчонкой. Называли девушкой или барышней на худой конец. А тут девчонка...

— Так мы ж не по вам, мы по волкам, дядька Кузьма! — послышался из темноты молодой, зади-

ристый какой-то голос, и к саням, ведя под уздцы вороную лошадку, шагнул парень. В темноте Галка не могла разглядеть его лицо, видела только темный высокий силуэт, но по голосу сразу поняла, что он молод, моложе своего спутника.

— По волкам! — Дядька Кузьма закурил папиросу, протянул портсигар Демьяну Петровичу. — Ты, Лешка, в темноте видишь, как кот? — спросил, прикуривая.

— Может, даже и получше некоторых котов, — огрызнулся тот, кого дядька Кузьма пренебрежительно назвал Лешкой. — Где волки? — спросил задиристо. — Нет волков! Разбежались. А кто не сбежал, тот вон пристреленный лежит. Так что не надо...

Он не договорил, из темноты вынырнула кривобокая фигура. В одной руке Глухомань держал кнут, во второй вилы.

— Это что? — спросил Демьян Петрович, продолжая успокаивающе гладить раненого жеребчика по холке.

— Это вилы, — снова вместо Глухомани ответил дядька Кузьма. — Отбивались от волков, чем могли. — На Галку он даже не глянул, видно, не мог до конца поверить, что она сумела не просто метнуть вилы, но еще и попасть. Галка и сама не верила. Происходящее казалось ей страшным сном. То ли от холода, то ли от пережитого сделалось вдруг очень холодно. Зубы предательски клацнули.

— А что за девочка? — Демьян Петрович, а следом за ним и Лешка вплотную подошли к саням, уставились на Галку. — Откуда взялась? Что-то не

припомню я, дядька Кузьма, чтобы у тебя была внучка.

— Так это не моя. — Дядька Кузьма махнул рукой с зажатой в ней папиросой. — Бабы Клавы это родственница. Везу из Перми. Мамка ее того... представилась недавно мамка. Девка сиротой осталась, вот баба Клава и попросила, чтобы съездил, привез.

— А что худющая-то такая родственница? — спросил Лешка и взглянул на Галку со смесью любопытства и, кажется, жалости. Теперь, когда он оказался совсем близко, она могла рассмотреть его лицо.

Впрочем, нечего там было рассматривать. Худое, угловатое, насмешливое лицо, с выбивающимся из-под фуражки вихром. Галка отвернулась, зажала озябшие ладони между коленками. Вот только с зубами ничего поделать не смогла, зубы продолжали клцать.

— Так городская. Что с нее взять? — пожал плечами дядька Кузьма и тут же сказал: — Поедем мы, Демьян Петрович, пока эти твари снова в стаю не сбились.

— Мы проводим. — Лешка лихо, красуясь, вскочил в седло. — Опасно на дороге стало. Слышите, Демьян Петрович, надо бы облаву организовать. Да не такую, как сегодня, а настоящую.

— Ишь, умник! А людей на облаву я где тебе наберусь?

— Клич бросим, найдутся люди. Волки этой зимой всем вот уже где. — Лешка выразительно чиркнул ребром ладони по горлу.

— Разберемся! А теперь поехали. Нечего нам тут посреди леса делать. — Демьян Петрович тоже уселся в седло. — Двигайся, Глухомань, а мы тут с ребятами рядом...

Они и в самом деле держались рядом с санями, двое всадников с одной стороны, двое — с другой. Галке хотелось думать, что в случае чего ружья их готовы к бою. Ведь не для красоты у них ружья.

Волки больше не приближались, не рисковали, и Галка уже почти успокоилась. О случившемся на дороге напоминали лишь лежащие на дне саней вилы с окровавленными зубьями. На вилы она старалась не смотреть. Как и на Лешку, лихо гарцующего рядом, перебрасывающегося шуточками с товарищами.

В темноте запястье ее крепко сжала лапа дядьки Кузьмы.

— Помни, о чем говорили, — процедил он сквозь зубы так, чтобы расслышать его могла одна только Галка.

Она молча кивнула.

А лес тем временем начал редеть, а потом и вовсе закончился. Дорога теперь змеилась посреди замерзшей, засыпанной снегом пашни. Стало светлее то ли от снега, то ли от выглянувшей из-за туч молодой луны. Но окружающий мир виделся мрачным, мертвенно-серым, неласковым. Галка обхватила себя руками, закрыла глаза.

— Бывала у нас раньше? — послышалось над самым ухом, и от неожиданности она вздрогнула.

Лешка смотрел на нее с ленивым интересом. Было видно, что ему просто скучно и хочется поговорить хоть с кем-нибудь.

— Нет. — Галка крепко помнила наказ дядьки Кузьмы.

— Тебе тут понравится. Места у нас красивые, привольные!

Не нравилось! Ей уже все не нравилось. И не понравится никогда. Как может нравиться этот холод и тьма, и пугающая бескрайность?! Ей нравился Ленинград с его улицами, мостами и набережными, с его молочно-сизыми, уютными ночами, а эта уральская глушь вызывала лишь панику.

— А бабе Клаве ты кем приходишься? — Он не унимался, не мог понять, что не нужен ей этот разговор, что ей и без того страшно и больно.

— Внучатой племянницей, — ответил за Галку дядька Кузьма, и впервые она была ему за это благодарна. — Седьмая вода на киселе, но раз уж так получилось... — Он многозначительно замолчал, а Лешка понимающе кивнул, словно и в самом деле что-то понимал.

— Не бойся, малая, — сказал он покровительственным тоном. — Баба Клава не злая. Бывает, ворчит без дела, но это от возраста. Сколько ей лет, дядька Кузьма?

— Много. Помолчал бы ты, Алексей, не жужжал.

Наверное, он обиделся на это пренебрежительное «не жужжал», потому что пришпорил свою лошадь, рванул вперед, в темноту. Галка вздохнула с облегчением.

А впереди уже появились первые огни, намечая границы города, в котором Галке теперь предстояло

жить. Название у города было мрачное, неприятное — Чернокаменск...

Они свернули, не доезжая до города.

— Баба Клава живет при клубе, — объяснил снова вернувшийся к саням Лешка. — Это в старой кутасовской усадьбе, здесь совсем недалеко. Я провожу.

— А то мы без тебя дорогу не найдем, — проворчал дядька Кузьма.

— Алексей, домой езжай! — велел Демьян Петрович. — Волошин меня по головке не погладит, если один из его ребят завтра на работе будет что вареный рак.

— Так мне во вторую смену! Отосплюсь еще! А дед Василь обещал бате сапоги починить. Вот заодно и спрошу, что там с сапогами.

— Среди ночи спросишь? — Если Демьян Петрович и злился, то не особо, скорее для проформы.

— Так они ж с бабой Клавой все равно проснутся, чтобы родственницу встретить. — Алексей по-свойски, как старой знакомой, подмигнул Галке. Она отвернулась, сунула озябшие руки в рукава пальто.

Ночь выдалась интересная — с волками, облавой, перестрелкой и спасением прекрасной дамы! Впрочем, с прекрасной дамой вышла неувязочка: и не прекрасная, и не дама. Мелкая какая-то замухрышка. Мало того что некрасивая, глазастая, скуластая, мосластая, так еще и неблагодарная. Алек-

сей ей, может быть, только что жизнь спас, а она даже спасибо не сказала. Да что там спасибо, даже смотреть в его сторону не хочет! Вот такие в Перми девчонки — с гонором! Но что интересно, по виду и не скажешь, что испугалась. Сидит, нахохлившись, что ворона, в пальтецо свое модное, но хлипкое кутается, зубами клацает, а не боится. Другая б уже ревела белугой от страха или от радости, что спаслась. Может быть, даже на шею бы Алексею бросилась в порыве благодарности, а эта молчит, нос воротит, ежится. Ежится, небось, от холода. В пальтишке этом дурацком разве согреешься? Будь на ее месте какая другая девушка, Алексей бы не сдержался, проявил благородство, предложил свою куртку. Сам-то он к холоду привычный. На охоте с батарей по три часа в сугробе лежать приходилось, и ничего!

А вообще, любопытно, что она за родственница такая! Баба Клава и дед Василь всегда были при усадьбе, прислуживали сначала кутасовской семейке, а потом и тем, кому усадьба досталась. В их жизни даже после революции ничего не изменилось, так и остались в старом доме, только уже не прислугой, а зрителями. Дед Василь сторожил и ремонтировал, если что сломается по мелочи, а баба Клава прибиралась. Сначала, когда усадьба стояла бесхозная, работы у них было немного, про них, кажется, вообще забыли. Другие были в те времена в Чернокаменске дела и заботы. А потом про усадьбу вспомнили. Сначала в ней располагался какой-то склад, потом госпиталь, потом туда переехала би-

блиотека, и работы у стариков прибавилось. А лет пять назад часть дома отдали под клуб, и уединенное, почти забытое место сразу оживилось, сделалось весьма популярным у городской молодежи. Особенно по выходным, когда в клуб привозили кинофильмы, а после просмотра устраивали танцы. Зимой — в отремонтированном по такому случаю бальном зале, а летом — на площадке в старом парке, прямо под открытым небом. Парк Алексею нравился больше, привольнее как-то было на свежем воздухе, веселее.

Сани тем временем свернули на аллею, ведущую к усадьбе, темнота под сенью вековых деревьев сделалась непроглядной, почти такой же, как в лесу, разве что без волков. Волки сюда не заходили, словно чуяли, что поживиться тут нечем, промышляли по деревням и городским окраинам, нападали на домашний скот и собак, а теперь вот перешли на людей.

Алексей был одним из тех волошинских парней, которым пришлось отбиваться от волков. Отбивались тем, что нашлось под рукой: кто палкой, кто подобранным с земли булыжником. Тогда им повезло, волков было всего трое. Худые, отчаявшиеся с голодухи, потерявшие всякий страх, звери припадали к земле, скалились, не спешили нападать, видели численный людской перевес. Не нападали, но и не уходили — выжидали. Демьян Петрович был прав, окажись их жертвой кто-нибудь послабее, женщина или ребенок, случилась бы беда, а так ничего, отбились. Алексей так еще и за Демьяном Петрови-